

С. В. ФРОЛОВ

«Большой» роспев Федора Крестьянина на текст праздничной стихиры

(Опыт музыкально-текстологического исследования)

Со второй половины XVI в. становятся известными имена отдельных древнерусских композиторов-головщиков. Среди них имя московского попа Федора Крестьянина (вторая половина XVI—начало XVII в.) занимает особое место. О нем и его композиторской школе неоднократно и с большим уважением писали современники, ему больше, чем кому-либо другому, уделяли внимание исследователи XIX—XX вв. Циклу «Стихир Евангельских» Федора Крестьянина посвящено единственное в своем роде монографическое исследование М. В. Бражникова.¹ Известны и некоторые другие произведения этого композитора: М. В. Бражников в своей работе упоминает о «Фитах розводных» в списке середины XVII в.;² несколько праздничных стихир Федора Крестьянина содержатся в сборной рукописи первой половины XVII в.;³ прокимен «Хвалите имя господне»⁴ и Стихирарь праздничный с пометой «Перевод Крестьянинов»⁵ выявлены в рукописях XVII в.

Один из роспевов Федора Крестьянина был обнаружен нами в певческом крюковом сборнике середины XVII в.,⁶ поступившем в Дрвлекранилице Пушкинского Дома в 1977 г. По своему нетрадиционному сложному

¹ М. В. Бражников. Федор Крестьянин. Стихиры. Публикация, расшифровка и исследование. — В кн.: Памятники русского музыкального искусства, вып. 3. М., 1974.

² ГПБ, собр. Погодина, № 1925. См.: М. В. Бражников. Федор Крестьянин. Стихиры, с. 8.

³ ГПБ, Соловецкое собр., № 690/751. См.: З. М. Гусейнова. К вопросу об атрибуции памятников древнерусского певческого искусства. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 191—203.

⁴ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 642/889. Сообщено Л. Ф. Мореховой.

⁵ ГПБ, Софийское собр., № 492. См.: С. В. Фролов. «Инбог пѣреводу Лукошково». Опыт исследования. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 352.

⁶ ИРЛИ, Дрвлекранилице, колл. М. В. Бражникова, № 25, сборник певческий на крюках, середины XVII в.; филигранны: Гераклитов № 148—1628—1630 гг., № 326—1648—1649 гг., № 1173—1183—1635—1646 гг., № 261—266—1642—1649 гг., № 269—1649 г., № 192—1646 г., Хивуд № 609 и 610—1621 г. и 1627 г., № 1923—1927—1640—1649 гг., № 192—1646 г., Лихачев, Вод. зн., № 3081—1643 г., Тромонин, № 536—1644 г.; в 8-ку 419 листов, полуустав, без переплета, часть листов в начале, середине и конце рукописи утрачена; имеются орнаментированные заставки и рисунки (чернила), а также владельческие записи и другие приписки XVII—XX вв. (чернила и карандаш). Столповое, путевое и демественное знамя без киноарных помет, текст раздельворечный. Содержание: Ирмологий с Роззиками, различные части знаменной столповой певческой азбуки (перечисления, толкования, Строки розводные, Кокзизник, Фитник, Подобники и т. п.), фрагменты Обихода, Стихирарь праздничный и т. п.

составу и ряду уникальных фрагментов этот сборник представляет исключительный интерес. Он содержит демественное многолетие царю Михаилу Федоровичу (л. 361), образцы путевого роспева и путевой нотации, значительный по объему фрагмент знаменного (демественного) двухголосия (песнопения Обихода — л. 148—173 об.), редкую редакцию певческой азбуки и несколько примеров многороспевности, состоящих из подборок в два-три различных роспева⁷ на один текст.

Одна из таких подборок в Стихираре праздничном включает два песнопения на текст стихиры Введению Богородицы «Давыдо провозгласи тя чистая». Первое из них озаглавлено «И ныне. Глас 8. Усольской» (л. 201 об.); второй роспев помещен непосредственно вслед за Усольским и озаглавлен «[Б]олюшой с Крестянинов» (л. 202 об.). Отметим, что в заглавии второго песнопения остался недописанным киноварный инициал в слове «Большой» и добавлен нетрадиционный в этом типе помет предлог «с».

Музыкально-текстологическое исследование этих двух песнопений позволило установить, что Усольский и Крестянинов роспевы в рукописи ИРЛИ, колл. М. В. Бражникова, № 25 соотносятся между собой как два самостоятельных музыкальных произведения на текст стихиры «Давыдо провозгласи тя чистая».

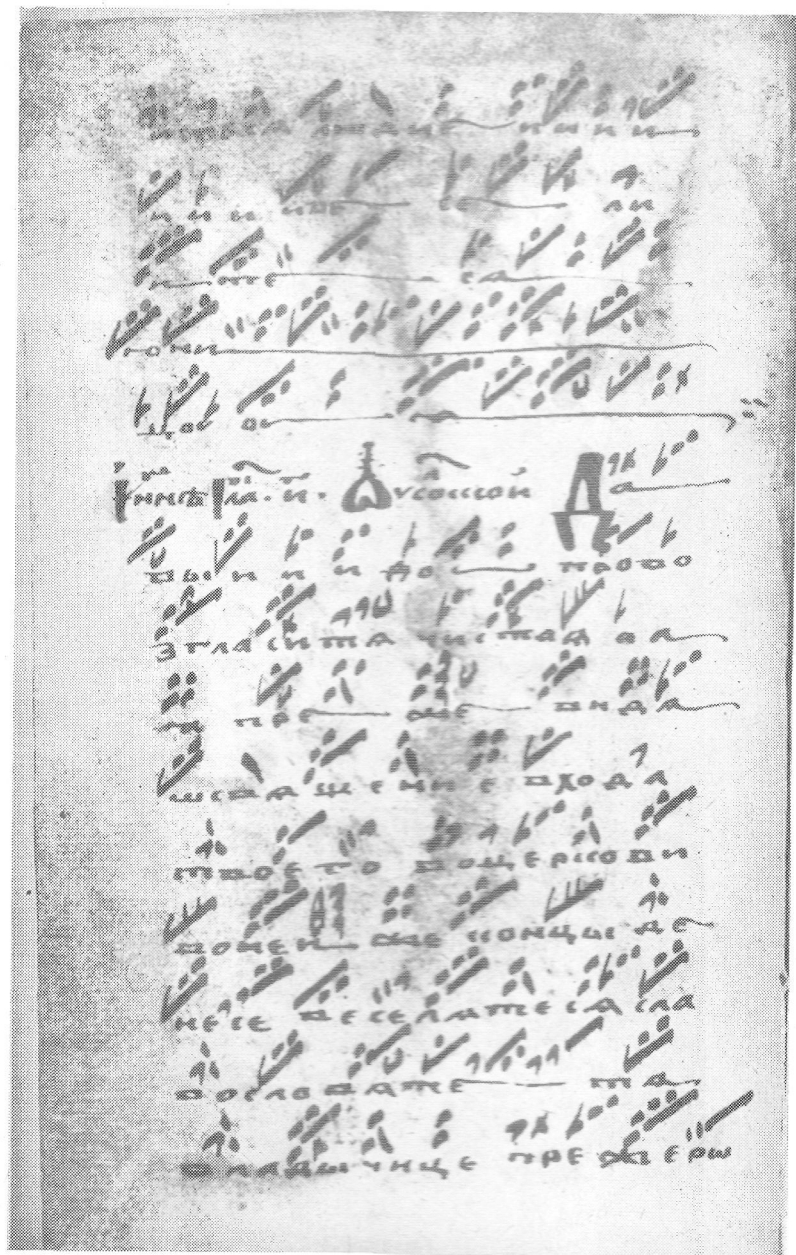
Музыкальная текстология еще не выработала своих устойчивых методов исследования. В науке еще не сложилась система приемов анализа и сопоставления нескольких роспевов на один общий текст. Поэтому в качестве одного из возможных для данного исследования методов нами применялся метод формально-статистического анализа.⁸

Суть упомянутого метода заключается в том, что сопоставление роспевов производится по знакам нотации, расположенным над идентичными разделами общего для данных роспевов текста — фразами, строками, словами, слогами — и в соответствующих построениях внутрислоговых мелодических роспевов. Степень совпадения или расхождения знакового состава музыкальных строк в соответствующих разделах общего текста позволяет установить музыкально-текстологические взаимоотношения между роспевами. При этом наиболее важными следует считать знаковые соотношения между роспевами в опорных моментах музыкальной формы — в кадансах, в крупных внутрислоговых роспевах и т. п.

Применению формально-статистического метода сравнения двух роспевов способствовало то обстоятельство, что текст и в Усольском и в Крестяниновом песнопениях удалось разделить на равное число строк

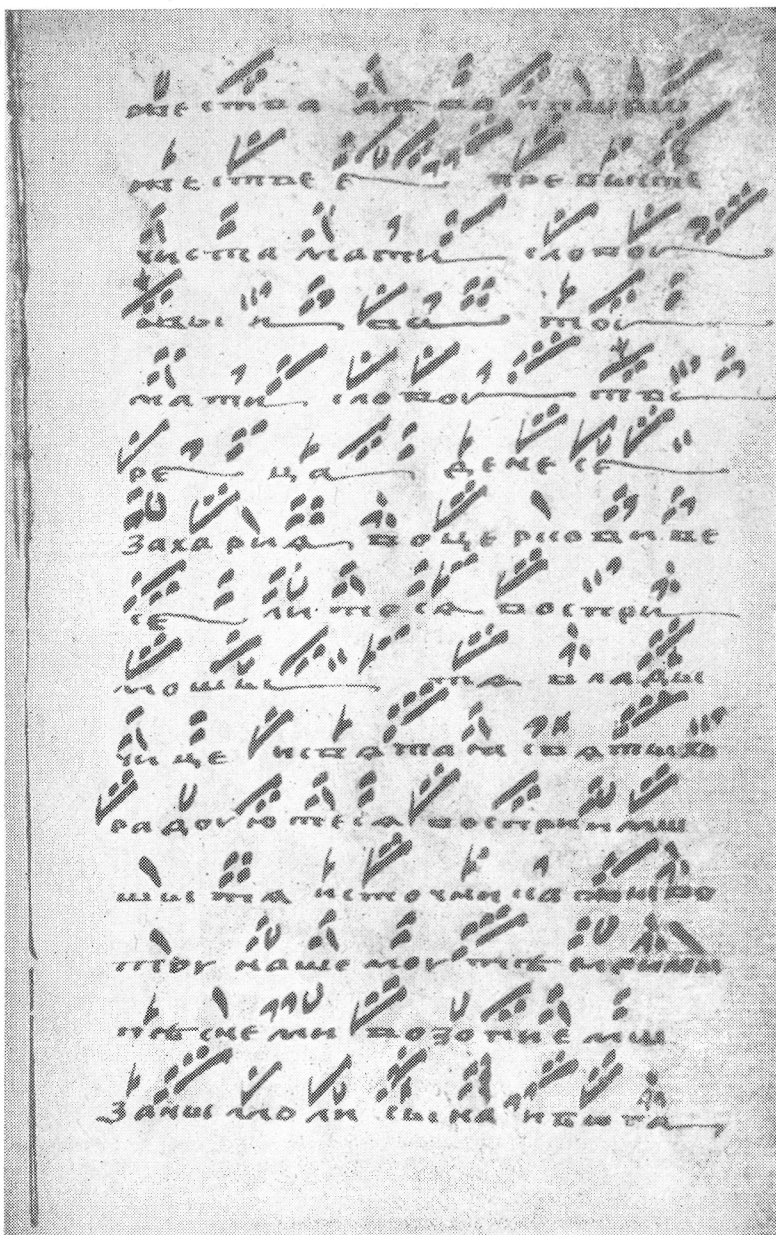
⁷ Встречающийся в певческих рукописях термин «роспев» употребляется в нескольких значениях: 1) для обозначения стиля данного музыкального произведения — знаменный роспев, демественный роспев, большой роспев и т. п.; 2) для обозначения собственно музыкального произведения на данный текст, т. е. песнопения. В этом значении термин «роспев» может сопровождаться дополнительными указаниями на принадлежность песнопения творчеству какого-либо автора или композиторской школе — «Крестянинов роспев», «Усольский роспев», «Тихвинский роспев» и т. п.; 3) для обозначения интонационного содержания какого-либо отдельного начертания знаменной нотации, знакового оборота («лица», «фиты») или фрагмента музыкальной формы. Термин «роспев» имеет синонимы: в 1-ом значении — «знамя» (демественный роспев — демественное знамя), во 2-ом значении — «перевод» («Лукошков роспев» — «Лукошков перевод»), в 3-ем значении — «розвод».

⁸ Беспометная нотация данного списка не поддается прямой нотной расшифровке. Возможные реконструкции напевов не обладают той степенью точности, которая необходима для интонационного музыковедческого анализа и сравнения. Поэтому метод, который мы назвали формально-статистическим, представляется пока наиболее удобным и достоверным для подобных аналитических действий. Впервые этот метод был применен нами при сопоставлении трех роспевов на текст прокимна «Да ся исправит молитва моя» (см.: С. В. Ф р о л о в. «Иного перевода Лукошкова». Опыт исследования, с. 353—356).

«Усолской» роспев (ИРЛИ, древлехраннище, колл. М. В. Бражникова, № 25, середина XVII в., л. 201 об.).

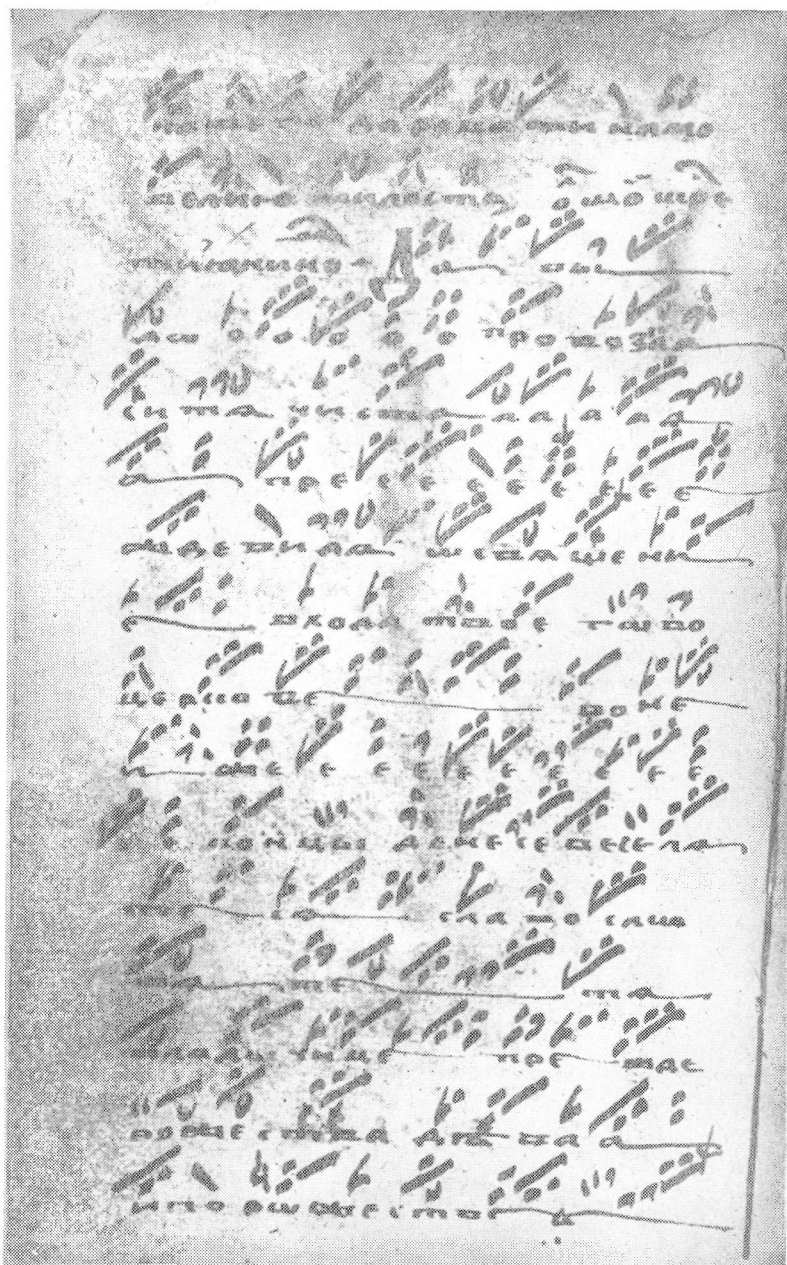
(16 строк). Это деление было основано на смысловом членении текста, а в музыкальном отношении выражалось различного рода цезурами и кадансами. Близкое нашему делению текста предлагает и анонимный переписчик одной из редакций роспева Федора Крестьянина в списке

«Усолской» роспев (ИРЛИ, Древлехранилище, колл. М. В. Браж-
никова, № 25, середина XVII в., л. 202).

первой половины XVII в.,⁹ в котором в качестве разделительных знаков проставлены точки. Как видно из приводимого ниже текста стихир, точки в большинстве строк совпадают с нашим делением.

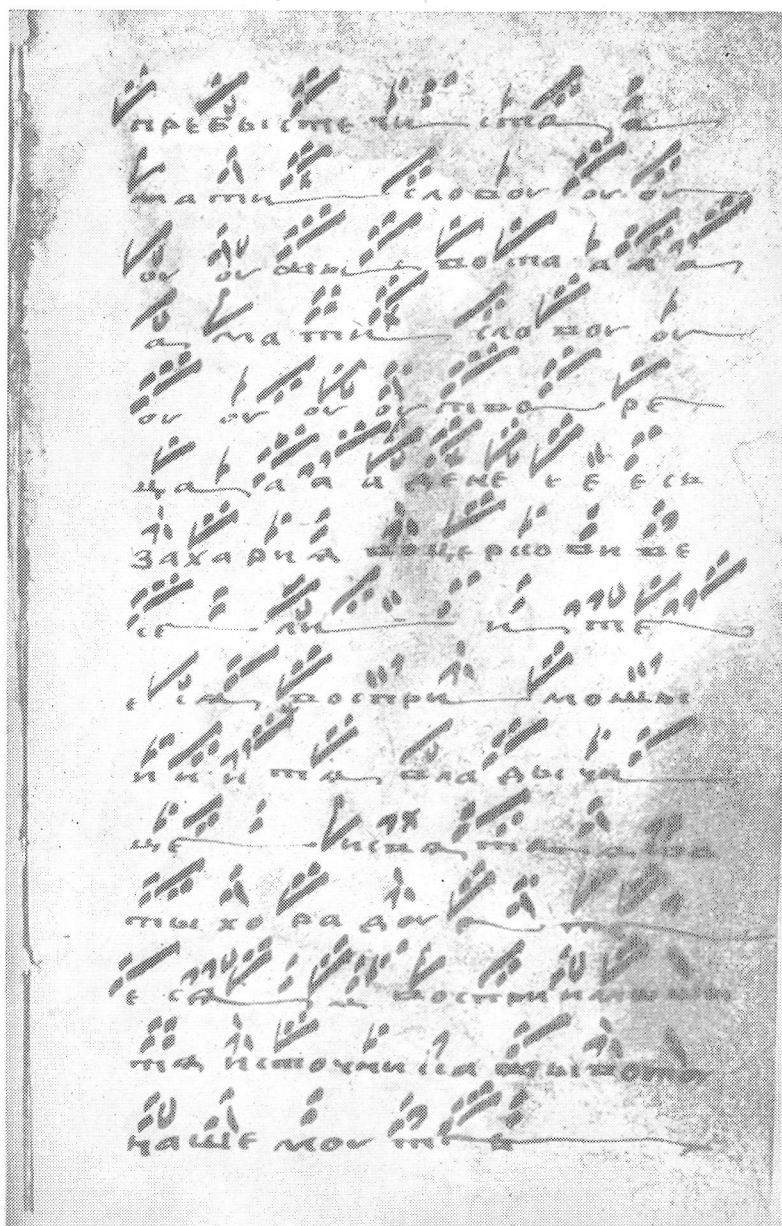
⁹ ГПБ, Соловецкое собр., № 690/751, л. 107—108.

«Большой Крестянинов» роспев (ИРЛИ, древлехранилище, колл. М. В. Бражникова, № 25, середина XVII в., л. 202 об.).

1. Давыдо провозгласи ты чистая.
2. Прежде видя освящение.
3. Входа твоего во церкве
4. Во ней же. Концы денесе веселятся
5. Славословяте ты владычице.
6. Прежде рожества дева.
7. И по рожестве пребысте чиста.

«Большой Крестянинов» роспев (ИРЛИ, Дрвлекхранилище, колл. М. В. Бражникова, № 25, середина XVII в., л. 203).

8. Мати слову живота
9. Мати слову творца.
10. Денесь. Захария во церкви веселитесь
11. Воспримошы ты владычице.
12. И святая святыхо радуются.
13. Воспримошы ты источника животу нашему.
14. Теме и мы песнеми возопиемо.

1) точное совпадение знаков, приходящихся на данный слог или фрагмент внутрислогового распева; 2) знаки, взаимозаменяемые по своей ритмической функции, но различающиеся по высоте интонирования; 3) точное совпадение знаковых групп-формул;¹¹ 4) кадансы в конце строк.

Полученные в результате формально-статистического сравнения распевов числовые данные объединены в таблицу. Они показывают, что из общего числа знаков в Усольском песнопении (222) и в песнопении Федора Крестьянина (308) точно совпадают только 75; некоторую близость по своему ритмическому значению обнаруживает 41 знак; из 16 приходящихся на концы строк кадансов совпадают только 2, остальные кадансы в этих песнопениях коренным образом различаются. Все наиболее значительные знаковые совпадения (из общего числа 75 точно совпадающих знаков) приходятся на моменты речитативного изложения мелодии. Это восемь знаковых формул и две музыкально-текстовые строки песнопений (13-я и 16-я). Их речитативный характер проявляется не только в следовании принципу один знак на один слог, но и в значениях каждого отдельного знака. Более половины этих знамен распевается в один звук. Распев других знаков, как правило, не превышает двух, в лучшем случае трех звуков. Во всем остальном эти песнопения существенно различаются.

Песнопение Федора Крестьянина почти в полтора раза пространнее Усольского. Каждое из песнопений отличается своим ярко выраженным преобладающим видом каданса. Двенадцать (из 16) строк Усольского распева завершаются кадансовой формулой, основную часть которой составляют знаки

// //

Девять строк Крестьянинова распева заканчиваются кадансовой формулой с основным знаковым зерном

// //

Многokrратно повторяющиеся кадансы в этих песнопениях выступают в роли своего рода постоянного рефрена в конце строк и в значительной степени определяют самостоятельность этих произведений.

Музыкально-текстологическое исследование распева Федора Крестьянина из рукописи колл. Бражникова, № 25, помимо сравнения с Усольским распевом из той же рукописи, производилось и на материале других рукописных источников. Было просмотрено более сорока распевов на текст стихирь «Давыдо провозгласи ты чистая» в списках XV—первой половины XVII вв. Сравнение этих списков показало, что на протяжении XV—XVII вв. существовало по крайней мере семь самостоятельных произведений на текст стихирь. Из них пять произведений знаменного распева и два путевого.¹²

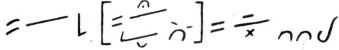
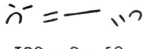
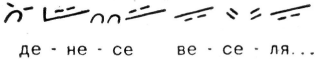
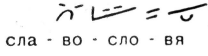
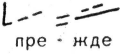
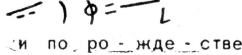
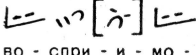

Старейшим из знаменных произведений является распев из рукописи второй половины XV в.¹³ Его характеризует архаика текста и нотации. В тексте присутствуют еще неогласованные редуцированные ъ и ь, в нотации преобладают древнейшие начертания XII—XIII вв. Крюки и стоици

¹¹ Последовательности знамен, образующиеся из числа точно совпадающих знаков музыкально-текстовой строки, в которых имеется не менее двух знаков с яркой интонационной характеристикой (т. е. знаков распевных, неречитативных), мы условно называем знаковыми формулами.

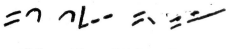
¹² Произведения путевого распева занимают особое место в древнерусской певческой культуре. Путевой распев как стилистическая разновидность знаменного в настоящее время еще мало изучен. Его нотация остается непередаваемой на современную нотную запись. Значения большинства начертаний путевого нотации остаются невыясненными, и метод формально-статистического сравнения оказался здесь неприменим. Поэтому, установив существование двух произведений путевого распева, в дальнейшем изложении мы касаться их не будем.

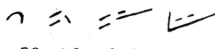
¹³ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 637/894, л. 12—12 об.

№№ строк текста	Кол-во знаков в строке		Кол-во точно совпадающих знаков	Кол-во знаков взаимозаменяемых по ритмической функции	Формулы	Кадансы
	Усол.	Крест.				
1	19	26	6	3	 про - во - згла - си - тя	разные
2	12	21	2	1		»
3	12	13	4	5 (3)	 тво - е - го	»
4	16	31	6	1	 де - не - се ве - се - ля...	»
5	13	16	5	2	 сла - во - сло - вя	»
6	8	11	2	2	 пре - же	»
7	14	16	5	2	 и по - ро - же - стве	»
8	16	17	1	6 (4)		»
9	16	19	1	5		»
10	20	26	5	4		»
11	12	16	5	2	 во - спи - и - мо - шы	»
12	12	21	3	2		»
13	16	16	14	1	Формульное совп. роспевов за искл. 1 знака.	совп.
14	12	20	4	1	 ле - сне - ми	разные
15	12	27	1	3		»
16	12	12	11	1	Формульное совп.	совп.
Итого:	222	308	75	41		

Примечания: в квадратных скобках помещены знаки внутри формул, различающиеся по приемам исполнения; в верхнем ряду — знаки Усольского роспева, в нижнем — Крестьянинова. В графе взаимозаменяемых знаков в круглых скобках учтены знаки, точно совпадающие или взаимозаменяемые, но расположенные над соседними слогами текста:

Усольский
во - це - рно - ви

Крестьянинов
во - це - рно - ви

выписываются округлым движением, нет даже намеков на острые углы. В составе знаков обнаруживается большое число начертаний, в конце XV—начале XVI в. выходящих из употребления:

и т. п. Текст в соответствии с кадансами делится на семь строк. При этом деление на строки в этом роспеве и в более поздних различно. С музыкаль-

ной точки зрения это песнопение также представляет исключительный интерес. В нем преобладают речитативные элементы. На каждый слог приходится один знак, как правило, фиксирующий один звук (в основном это стопицы):

| | | | | |
в ъ · х о · да тво · е · го

Среди господствующей речитации выделяются отдельные островки мелодического изложения. Они выражаются редкими сложными знаменами либо комбинациями знаков, проставленных над одним слогом. Единственная в этом роспеве фита помещена над словом «теме» и находится в такой части текста, в которой во всех последующих роспевах фиты не употребляются.

Этот старейший роспев второй половины XV в. в более поздних рукописях нам не встречался. Очевидно, он относится к древнейшей традиции интонирования текста стихирь «Давыдо провозгласи тя чистая» и в дальнейшем вышел из употребления.

Вторым по времени бытования является роспев, встретившийся в рукописях конца XV—начала XVII в.¹⁴ В известных нам списках этого песнопения нотация уже утратила архаику начертаний и состава знамен, изменилась композиция роспева, деление на музыкально-текстовые строки стало более дробным. Общим для обнаруженных списков песнопения является редакционное изменение текста — «концы денесь радуетсяя», тогда как в песнопениях XV и XVII вв. это место читается «концы денесь веселяетсяя». Новым по сравнению со старейшим песнопением является усиление внутрислоговой распевности, что проявляется в отсутствии речитативных стопиц и введении двух фит на слова «во неи же» и «восприимошти тя». Фиты от списка к списку проявляют неустойчивость. Меняется их начертание и, следовательно, мелодия, но неизменным остается их место на указанных словах. Вообще в разных списках этого песнопения обнаруживаются многочисленные редакционные различия, объясняемые продолжительностью его бытования. Вместе с тем основной состав знамен, фиксирующих интонационный контур этого произведения, остается почти неизменным.

В первой половине XVII в. в певческом репертуаре появляются сразу три новых произведения на текст стихирь «Давыдо провозгласи тя чистая».

В сборнике инок Христофора 1604 г.¹⁵ обнаруживается ранний из известных списков роспева, который мы условно называем Кратким.¹⁶ Он назван так благодаря своей исключительно сжатой крюковой строке (всего 191 знак), в которой на каждый слог приходится не более одного знака. Вместе с тем этот роспев нельзя охарактеризовать как речитативный, так как большинство использованных в нем крюков может быть расшифровано как мелодическое движение в 2—3 звука. Отдельные же знамена или лицевые начертания предполагают и более пространный мелодический развод.¹⁷ Краткое песнопение делится на 20 музыкально-текстовых строк, образующих три основных раздела. Столь дробное деление привело к тому, что строки стали гораздо короче, увеличилось количество ка-

¹⁴ ГПБ, Софийское собр., № 472, л. 61 об.; Кирилло-Белозерское собр., № 675/932, л. 212 об., № 616/873, л. 57; собр. Титова, № 3636, л. 78 об.; БАН, собр. Каликина, № 69, л. 147 об.

¹⁵ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 665/922, л. 127. См.: М. В. Бражников. Древнерусская теория музыки. Л., 1972, с. 119.

¹⁶ Известны также другие списки Краткого роспева первой половины XVII в.: БАН, Строгановское собр., № 39, л. 110, № 40, л. 249 об. и др.

¹⁷ См. примеч. 7.

дансов и сами кадансовые обороты (они занимают в коротких строках до половины слогов) стали играть весьма важную роль. Так, четыре раза использованный совершенный каданс

$$\dot{\sim}) \approx \approx \approx \approx$$

четко разграничил три основных раздела формы песнопения и выделил из него начальную строку. Четыре раза был использован большой полукаданс

$$\dot{\sim}) \sim \sim \sim \sim \sim \sim$$

и шесть раз — малый полукаданс

$$l) \approx$$

Повторяющиеся кадансовые обороты, придавая форме песнопения исключительную стройность и интонационное единство, играют роль основного музыкально-выразительного средства этого произведения.

Параллельно с Кратким на протяжении первой половины XVII в. существовали в певческой практике Усольский и Крестьянинов роспевы.¹⁸ Из трех этих роспевов, судя по имеющимся у нас данным, наибольшую употребительность имел Усольский роспев. Он был зафиксирован в 14 из просмотренных нами певческих рукописей, Краткий — в 10, а Крестьянинов только в 7 рукописях. Трудно что-либо определенное сказать о причинах большей или меньшей популярности того или иного роспева на данный текст в XVII в. Можно лишь предполагать, что роспев Федора Крестьянина, состоящий в записи из 308 знаков, самый пространственный и мелодически богатый из трех роспевов (недаром он получил наименование «Большой»), представлял и наибольшую трудность для исполнения и предназначался для хорошо обученных певцов какого-либо крупного хора. Доступнее по меньшей протяженности звучания и сложности для исполнения был, вероятно, Усольский роспев (222 знака), вместе с тем он был достаточно мелодичным и, отличаясь этим от Краткого роспева (191 знак), получил наибольшее распространение.

Все три рассмотренных знаменных произведения первой половины XVII в. встречались в рукописях только в подборках из нескольких роспевов на этот текст. Отметим, что в рукописях этого времени на данный текст вообще, как правило, дается несколько роспевов, тогда как громадное большинство других текстов Стихираря праздничного помещается только с одним роспевом. В подборках на текст стихире «Давыдо провозгласи ты чистая» может быть от 2-х до 7-ми роспевов, включая путевые роспевы и дополнительные редакции 3-х основных песнопений. Часть из них бывает помечена различного рода писцово-певческими указаниями.

Три рассмотренных выше песнопения группировались в подборках в различных комбинациях, но обнаружили замечательную закономерность: роспев Федора Крестьянина почти никогда не помещался первым, он следовал за каким-либо другим — Кратким, Путевым или Усольским. Таким образом, Крестьянинов роспев постоянно попадал в традиционной схеме расположения роспевов в подборке в положение «иног» роспева, т. е. не основного для данной эпохи или музыкального стиля, а как бы дополнительного, «прибыльного». Лишь в одной рукописи из семи, содержащих Крестьянинов роспев, в подборке песнопений на текст стихире «Давыдо провозгласи ты чистая» (ГПБ, Соловецкое собр., № 690/751, первая половина XVII в.) произведение Федора Крестьянина было помещено первым (л. 107); за ним следовал Усольский роспев (л. 108); далее, в другом

¹⁸ Помимо списка ИРЛИ, колл. М. В. Бражникова, № 25 были обнаружены более ранние списки этих песнопений. Старшими из них являются списки всех трех роспевов в сборнике инока Христофора (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 665/922, 1604 г.).

разделе рукописи был помещен еще один роспев на текст этой стихиры, но также Усольский (другая редакция — л. 186); наконец, в третьем разделе приведен путевой роспев стихир (л. 203 об.).

Нетрадиционное расположение роспевов в рукописи Соловецкого собрания, № 690/751 сопровождается не менее нетрадиционными писцово-певческими пометами. Первый роспев, известный по списку ИРЛИ как Крестьянинов, здесь озаглавлен Усольским, а второй — «Ин перевод» (в списке ИРЛИ — «Усольской») — имеет на поле листа помету, указывающую Федора Крестьянина. Таким образом, и в этой рукописи остается формально выдержанной последовательность роспевов. Роспев, атрибутированный здесь Федору Крестьянину, помещен как дополнительный к некоему основному, в данном случае озаглавленному Усольским. Вместе с тем в рукописи Соловецкого собрания роспевы поменялись заглавиями, что ставит под сомнение атрибуцию роспевов по списку ИРЛИ. Возникает вопрос: в какой же рукописи дана верная атрибуция?

Прямого ответа на этот вопрос дать пока невозможно. Для этого потребуются многие новые списки роспевов с точными указаниями авторства. Пока же их нет. Нет у нас и оснований не доверять и переписчикам или редакторам-составителям этих рукописей. Обе рукописи, представляя собой сборники избранного состава, принадлежат к числу наиболее выдающихся памятников знаменного пения первой половины XVII в. В рукописи Соловецкого собрания, вероятно, нарочно сведены вместе многие роспевы на общие тексты (тропари, задостойники, стихирь праздникам и нарочитым святым и т. п.). В ней представлены уникальные произведения не только Федора Крестьянина, но и троецкого головщика Логгина, песнопения Усольской и других композиторских школ. О составе сборника ИРЛИ уже говорилось выше. Поэтому представляется, что создателями этих сборников были люди весьма сведущие в знаменном пении. Вместе с тем сличение роспевов показывает, что в одной из этих рукописей была допущена ошибка.

Опираясь на косвенные данные, можно только предполагать, что более точной является атрибуция в сборнике ИРЛИ, колл. М. В. Бражникова, т. е. та атрибуция, которой мы придерживались в данной статье. В пользу этого мнения могут свидетельствовать следующие рассуждения.

Во-первых, указания на произведения Усольской композиторской школы более распространены в рукописях XVII в., нежели указания на роспев Федора Крестьянина. Усольский роспев встречается с большим числом певческих текстов.¹⁹ Поэтому представляется, что Усольский роспев мог быть более распространенным и мог выглядеть более обыденным по сравнению с роспевом Федора Крестьянина. В парном соединении этих роспевов Усольский роспев как «обычный» мог ставиться первым, а Крестьянинов — «необычный» — выступал в роли дополнительного, «иног». Примеры подобного соединения мы и отмечали во всех случаях парного расположения этих песнопений. Более того, в одном из списков роспев Федора Крестьянина при сопоставлении с Усольским роспевом был даже выделен специальной пометой «произвол».²⁰

¹⁹ Помимо уже упомянутых произведений Усольского роспева на текст стихир «Давыдо провозгласи тя чистая», Усольский роспев указан в тех же рукописях — ГПБ, Соловецкое собр., № 690/751 на другие тексты праздничных стихир (л. 113, 125, 128 об.), ИРЛИ, колл. М. В. Бражникова, № 25 на текст стихир «Благовестит Гавриил» (л. 207), а также в рукописях: ГПБ, Софийское собр., № 498, XVII в. (л. 492 об.); ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 180, XVII в. (л. 117) и др.

²⁰ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 665/922, 1-й роспев — Краткий (л. 127), 2-й — Усольский (л. 131 об.), 3-й — Крестьянинов, озаглавлен «Ин», а на поле листа выписано «произвол» (л. 131 об.).

Во-вторых, заглавие «Крестьянинов» в рукописи колл. Бражникова, № 25 имеет дополнительное обозначение «Большой». Большим роспевом это песнопение названо и еще в одном списке первой половины XVII в.²¹ В научной литературе существует по поводу большого роспева мнение, что одним из создателей этого стилистического подвида знаменного пения конца XVI—начала XVII в. был Федор Крестьянин.²²

В-третьих, в рукописи колл. Бражникова, № 25 имя композитора включено в заглавие стихиры и выписано непосредственно в тексте — «Большой с крестьянинов», очевидно, рукой переписчика всей рукописи. Также полно выписано в заглавии и указание на Усольский роспев. В рукописи же Соловецкого собрания, № 690/751 указания на Крестьянинов и Усольский роспевы даны на полях и в сокращении «кр^с» (л. 107) и «Усо^с» (л. 108). Эти пометы на полях рукописи могли проставить и писец, и редактор-составитель, и читатель, т. е. певец. Можно даже допустить, что, встретив помещенными один за другим два роспева и зная, что один из них Крестьянинов, а другой Усольский, писец (редактор, певец), не уточняя, в какой последовательности они записаны, мог руководствоваться традицией и первый роспев отнести к более распространенному, обыденному, Усольскому, а второй — дополнительный — пометить как Крестьянинов.

Приведенные выше рассуждения не могут окончательно решить проблемы атрибуции роспевов и служат рабочей гипотезой. В настоящее же время следует признать только то, что один из двух роспевов в рукописи ИРЛИ, колл. М. В. Бражникова, № 25 действительно создан выдающимся русским головщиком-композитором Федором Крестьянином.

²¹ БАН, Строгановское собр., № 39, л. 114.

²² См.: М. В. Бражников. Федор Крестьянин. Стихирь, с. 132—133.